

ЯРКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ФЭНТЕЗИ

КСАНТИЙ

и
МЕЧ

Е. Ацеус

Екатерина Аценс

Ксантий и меч

«Автор»

2026

Аценс Е.

Ксантий и меч / Е. Аценс — «Автор», 2026

Леса суровой Штормганы скрывают беглого монаха Муру. Его цель — найти убийцу своей лучшей подруги. Молитвы монаха слышит Пантеон, и статуя Святого рыцаря оживает. Его меч, верный ворон-оруженосец и справедливость в сердце готовы приступить к охоте на убийцу. Но как простому монаху одолеть потустороннее зло? И главное — как не выбрать проклятый путь, когда месть так сладка?

© Аценс Е., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Аценс

Ксантий и меч

Глава 1. Милость святых

Прежде, чем вернуться на кладбище, я по своему обыкновению зашел в лавку к старому Пьеру и купил новый платок, которым прикрывал лицо, – мой прежний давно превратился в дырявую тряпку. На мою просьбу подобрать более плотную ткань Пьер с долей сочувствия хмыкнул и прокаркал, глядя на меня исподлобья своим особенно проникновенным взглядом:

– И что тебе это дает, Мура, если ты давно уже не монах?

Мой язык щелкнул о зубы, споткнувшись о желание съязвить; но и это желание, как и многие другие, периодически вспыхивающие в моем сознании по старой привычке, тотчас угасло, как слабый огонек свечи при ветре. Ничего не хотелось – ни пререкаться, ни отшучиваться, ни отвечать Пьеру с прежним моим азартом, охотой до конфликта. Только не теперь.

– Всегда им был, – коротко удалось пробормотать мне.

Торопливо я выхватил из рук расстроенного старика платок и выскочил на улицу. Шум Хэстмира, главной столицы Штурмганы, остался звучать глухим эхом, потому что центральная площадь находилась далеко за рекой и рынком, идти до туда мне пришлось бы порядка сорока минут. Чего не скажешь о кладбище – до него было рукой подать, и может быть, это было еще одной причиной, по которой жизнерадостный гам Хэстмира превращался здесь в отдаленный, призрачный отголосок, не способный стать настоящим звуком.

По секрету, я знаю все про городские трущобы. В Ясильфе, откуда я родом, существуют кварталы бедняков, но мне никогда не доводилось бывать там лично. Потом случился мой предательский побег от Монашеского братства, потому что между собой и ними я выбрал свои собственные свободолобие и принципы. Бежал я в северное королевство Штурмгану совершенно впопыхах, не придумав толкового плана, и судьба охотно показала мне мое место – это были трущобы. Исповедника другой религии в Штурмгане ждала бы тюрьма. Окажись я отчаянным дураком, остался бы при своем монашеском одеянии и принципах, но, слава Светлым, мне хватило ума скрыть природу своей личности. Случай свел меня с Дианой: ей одной я доверил свою тайну, и с ней же продолжил свое путешествие вглубь Штурмганы.

Именно из-за нее, Дианы, мне пришлось свернуть теперь с оживленной улицы, на которой располагалась лавка Пьера, и пойти закоулками, через самый отшиб города, до большого, нехорошего кладбища с громоздкой оградой, выполненной в старомодном северном стиле. Образ этих витиеватых ворот преследовал меня по ночам – так часто я оказывался перед ними. Диана была связана с этим обстоятельством напрямую: она была похоронена здесь. Да, Дианы уже не было в этом мире, а о новом месте ее обитания я, как монах, вполне догадывался. Пантеон Святых – вот, что ей подходило, вот, что было в пору ее доброму, живому сердцу. Забыть Диану и нашу светлую, не омраченную лишними мыслями дружбу, я уже не смог, да и не было во мне такого желания, поэтому я быстро превратился в человека, которого по одной лишь походке узнает издали сторож кладбища. Вот уже третью неделю подряд я приходил на ее могилу.

Она располагалась в самом конце кладбища, на расчищенной от сухих деревьев полянке, по соседству с другими нестарыми могилами и косматым, кривым кьердабом, который так и не смогли выкорчевать из сухой почвы. Диана лежала как бы под одеялом из тени, падающей на землю из-за кроны кьердаба, и потому мне всегда казалось, что ей, Диане, тут хорошо, уютно. В близости от ее могилы стояла старинная, уже замшелая и почерневшая от времени статуя святого Ксантия Аполлония – покровитель жестоко убиенных обычно охранял штурмганские кладбища по периметру ограды, но из-за того, что кладбище разрослось, статуя оказалась зажатой между двумя свежевырытыми могилами. Одна принадлежала Диане, другая

– старику Баситу, который остался с ней в ту злополучную ночь. Обоих убили. Кто – знали, пожалуй, только Святые.

Старый Пьер был прав: я давно не был монахом. Тем не менее, я по-прежнему умел молиться, пускай и на чужой, ясильфийский манер. В Монашеском братстве Ясильфы особо почитались те монахи, которым удалось выйти на прямой контакт со Светлым духом; я же особым талантом никогда не обладал, порой мне казалось, что мои молитвы звучат так слабо, что не доносятся даже до самых низших духов. После побега молитвы я совсем забросил, уж больно остро во мне засела обида на Братство. Смерть Дианы примирила меня с прошлым: теперь я проводил часы, молясь у ее могилы. Просил я Святых только об одном: о справедливости, о возмездии; просил сделать их так, чтобы я смог узнать имя убийцы и отомстить ему. Мечь – категория тьмы, один из страшнейших пороков, так рьяно порицаемых Монашеским братством. За мечью следует злость, гнев, а за ними – темная энергия, из которой впоследствии, настоявшись как свежесваренная похлебка из трактира, рождаются Темные духи. Потому и было создано Монашеское братство Ясильфы – чтобы уничтожать Темных и питаться силой у Светлых, чтобы нести в люди учение о добре и зле, и, наконец, воспитывать в людях определенные понятия, принципы, которые привели бы их к Свету. Но пересечь море все-таки Братство оказалось не в силах, и по ту сторону бескрайней воды осталась лежать Штурмгана – страна, в которой религиозное непостоянство могло соперничать только с непостоянством погоды. Здесь, в заснеженных кедровых лесах и тяжелых, мрачных сумерках, родились независимые учения, основанные на древних текстах о неких священных шести словах, которые должны почитаться людьми: пять из них были известны. Любовь, доброта, вера, преданность, самопожертвование, – вот, вокруг чего строился религиозный столп штурмганской мысли. Шестое же слово оказалось утрачено, и по ходу течения истории стали возникать те или иные школы, по-разному трактующие это слово. Последователи художницы Сальерн, например, называли «талант» благословенным Шестым словом. Ученый Аврелий утверждал, что это «семья». А Ксантий Аполлоний, при жизни бывший телохранителем короля и рыцарем, говорил, что Шестое слово – это «справедливость». И Сальерн, и Аврелий, и Ксантий – все после смерти заняли почетный Пантеон Святых, которые в Штурмгане почитаются вместо Светлых духов. И я, монах из Ясильфы, наученный молиться только своим Духам, был вынужден обратиться к местным Святым за помощью.

Стемнело рано, небо быстро налилось темными красками, как синяк на теле, и воздух сразу стал таким холодным, что начал идти пар изо рта. Штурмганцы называли этот сезон фонсанной, процветанием, но мне, выросшему в знойном южном климате, это казалось злой насмешкой. Тени массивных надгробий удлинились, а затем совсем пропали в обилии вечерней темноты. Мимо меня, причитая и охая, несколько раз прошел местный сторож, но я не сдвинулся с места – так и остался стоять на коленях перед статуей Ксантия Аполлония.

На следующий день ничего не изменилось. Вязкие, монотонные, похожие друг на друга дни затянулись в прочный узел, готовый подвесить меня к потолку собственной спальни. Уверен, к этому я бы и пришел, окончательно убедившись в крайности моего отчаяния, если бы не одно чрезвычайно загадочное и даже пугающее обстоятельство, случившееся со мной еще спустя полгода. В Штурмгане настала самая суровая, тяжелая пора. Затяжной сезон морозов, хеймма, накрыл всю страну, на столицу обрушилась снежная буря. Какое-то время я безвылазно сидел в комнате на втором этаже лавки Пьера, где он милостиво, памятуя о старой дружбе, меня приютил. Когда непогода улеглась и в мутное стекло моего окна стал виден зыбкий, то и дело закрываемый облаками клочок чистого неба, я принял решение вновь посетить кладбище, чтобы расчистить могилу от снега. Вооружившись ржавой лопатой, обмотав лицо шерстяным платком, я, все более и более похожий внешним видом на местного сумасшедшего, побрел по еще непротоптанной дороге до кладбища. По дороге мне встретился разве что сынишка почтальона с толстой перевязью писем: он медленно шел, туго протискивая свои тон-

кие ноги в сугробы, как протискивается нож в замороженный кусок сливочного масла. Стража, отвечающая за безопасность города, сейчас патрулировала самые опасные районы столицы – потому-то я и шел центральной улицей, а не закоулками. Увидь меня Страж, и день мой точно бы закончился в тюрьме: выглядел я, как больной или попрошайка, а от таких личностей в столице было принято избавляться любыми способами.

Наконец, мысок моего давно уже растерзанного временем ботинка уперся в узорчатые ворота кладбища. Калитка была еще заперта. Я собрался было постучать в дверь сторожа (он жил в небольшом домике, примыкающем к воротам), как она распахнулась.

– Мура, тебе бы дома посидеть, отоспаться, – прокаркал сторож, раздраженно вертя ключи в дрожащей руке. – Если бы не проклятая метель, ни дня не пропустил бы. Так всю жизнь у могилы и проведешь. Нехорошо это, неправильно.

– А вы, Вестор, сколько лет уже на кладбище живете?

– Не сравнивай, мальчишка, – старик затворил за собой дверь и побрел по сугробам к кладбищенской калитке. Он прошел вперед меня, но обернулся, чтобы посмотреть мне в глаза: – Для меня это служба, работа. И я стар, уже очень стар. Я свое уже пожил! И семья у меня была, и дом, и... Все у меня было. А ты? Да ну тебя. Хочется себя губить, так пожалуйста, но потом не плачься.

Я промолчал и отвел взгляд. Откуда он только знал мой возраст – голос у меня был таким же обычным, как у мужчины в любом возрасте, кроме глубокой старости. Лица моего он никогда не видел. Пожалуй, эту свою привычку я побороть никогда не сумею: ясильфийские монахи скрывают лицо всю жизнь.

Когда я оказался у могилы Дианы, солнце уже прочно обосновалось в небосводе мутно-желтым бельмом. Оно слабо осветило хорошо знакомую мне могильную плиту и статую Ксантия. Святой стоял, уперев меч с рукоятью в форме птичьей головы в землю; голова его была низко опущена, шлем закрывал половину лица, и только россыпь длинных кудрявых волос лежала на плечах как напоминание о том, что под доспехами скрывался живой человек, а не бездушная пыль. Я расчистил лопатой землю вокруг могилы, выкопал увязшие в сугробе ноги Ксантия Аполлония и собрался было начать молитву, как вдруг замер. Вдоль доспеха рыцаря шла трещина. Никогда прежде я не видел ее, а за полгода мне удалось в деталях запомнить вид статуи. Неужели это моя лопата повредила камень, ужаснулся было я, но тотчас отгнал эту мысль – трещина была слишком глубокой. Тогда, сам не знаю, с какой целью, то ли сгладить нанесенной статуе ущерб, то ли убедиться в реальности трещины, я дотронулся ладонью до нее и провел пальцами вдоль ее русла, вверх по доспехам. И к моему ужасу, толики силы, вложенной мной в это безобидное прикосновение, хватило для того, чтобы Ксантий Аполлоний издал резкий, рокочущий треск и стал осыпаться у меня на глазах. Все заняло считанное мгновение. В спешке, охваченный испугом, я успел отскочить в сторону. Сначала вся каменная поверхность статуи разошлась на тонкие прожилки трещин, став похожей на паутину; потом частица за частицей, щепотка за щепоткой, и она стала сыпаться вниз, на снег, и скоро белое превратилось в серое. В воздух поднялся столп пыли, я заслонила глаза рукавом и застыл, боясь пошевелиться. Разрушить статую Святого – такое преступление грозило бы мне пожизненным заключением. Нужно было немедленно убираться отсюда.

Но стоило пыли осесть, как передо мной возник образ рыцаря, сжимающего в руках меч с рукоятью в виде птицы. Это был Ксантий Аполлоний. Теперь, когда камень оказался разрушен, металлические доспехи заискрились в холодном свете хеймского солнца Штурмганы, и на их поверхности отразился мой собственный размытый силуэт, кривой и блеклый. Помню, как будто это произошло вчера: одно мгновение он, оживший Святой, стоял в той же позе, что и статуя, но вдруг быстро расправил плечи и поднял голову, словно очнулся от долгого сна. Один его вздох – и латы запели, лязгнул металл. Мертвый камень окончательно сделался человеком.

В этом не могло быть сомнений. Передо мной, прямо на моих глазах случилось чудо: статуя превратилась в живого Ксантия Аполлония.

Трудно описать чувства, которые я испытал в тот момент: с одной стороны, это был ужас, с другой – восхищение, но была во всем этом также весомая доля недоверия, потому что мне подумалось, что ожившая статуя – всего лишь плод моего воспаленного рассудка. Как бы там ни было, смесь эмоций сковала мое тело, я замер посреди кладбища, не в силах шевельнуться. Даже мысли мои сковало такой же тяжелой слабостью. Ни подумать, ни поймать за хвост ускользающие слова молитвы – ничего я уже не мог. Я посмотрел на Ксантия. Теперь я хорошо смог разглядеть нижнюю часть его лица (оно было не скрыто забралом), увидел, как тонкая улыбка стала прорезаться на его бледных губах и увидел еще, как он медленно, будто еще размышляя, стоит ли это делать, открывает рот, чтобы произнести:

– Здравствуй, Мура.

Этой короткой фразы, сказанной тихим, глубоким голосом, хватило для того, чтобы я понял: все происходило на самом деле. Ксантий повертел в руках меч, и это движение, как и всякое его дальнейшее действие, было наполнено сонливостью и даже аристократической леностью; он двигался медленно и плавно, совсем не так, как двигаются рыцари: резко, будто стрелки часов. Затем он убрал меч в ножны, и мне даже показалось, что раздался недовольный шепот, но природу его происхождения я не успел выяснить – мысли скакали от одной к другой, все у меня в голове смешалось, завертелось.

– Итак, Мура, – снова заговорил Ксантий, хлопывая ладонью по рукояти меча. – Я услышал твои молитвы. Тебе нужна была помощь. Святой Ксантий Аполлоний к твоим услугам.

Он коротко кивнул мне, улыбнулся и сделал шаг навстречу. Я же попятился назад и скоро уперся спиной в ствол корявого кьердаба.

– Я всего лишь хотел пожать тебе руку, – Ксантий покачал головой и вздохнул. – Я видел, что такой жест стал модным.

– Модным? – ошарашенно переспросил я. Сердце стучало громко и уже где-то в горле, в районе кадыка, потому что отдавало мне прямо в челюсть.

– Да-да, – поспешно закивал рыцарь.

– Посмешище! – раздалось вдруг карканье.

Ксантий сильнее сжал рукоять меча, послышалось жалобное кряхтение, как будто птице сдавило горло, и наконец все стихло. Казалось, Ксантий сам оказался застигнут врасплох – какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Я молчал от шока и ужаса, он – не знаю, должно быть, выдумывал «модное» объяснение происходящему. Наконец, он заговорил с деланной беззаботностью:

– Прощу меня простить. Мой меч любит бросаться нелепыми комментариями в мой адрес. Его зовут Рафаэль, – тут он разжал ладонь, и мне удалось разглядеть рукоять.

Это по-прежнему была птица, но теперь она, потакая своему хозяину, ожила, обрела настоящее оперение и задорно горящий оранжевым светом глаз. Ворон.

– Приятно познакомиться, – неприятливо прокаркал меч, смешно шевеля клювом. – Ты, нарушитель святого спокойствия, заслуживаешь отдельного наказания в загробной жизни. Вместо Проклятого мира я бы выдумал тебе что-нибудь изощреннее. Теперь мне придется в образе меча тащиться по штормганским сугробам, чтобы спасти какую-то Диану – а мне-то на нее совершенно наплевать...

– Эй! – прикрикнул я. – Прояви уважение. Мне все равно, кто ты. Меч или птица, или сам Святой – кем бы ты ни был, я не позволю тебе так про нее говорить. Раз тебе наплевать, то отправляйся со своим Ксантием обратно на Пантеон. В такой надменной помощи я не нуждаюсь.

Вновь раздался хрип – это Ксантий сжал птице горло.

– Еще раз так сделаешь, и я! – завопил Рафаэль.

– Умолкни, – строго приказал рыцарь. Этого тона оказалось достаточно для того, что птица действительно присмирела. Ксантий повернулся ко мне и виновато проговорил: – Прости его. Это мой слуга, который увязался за мной с самого Пантеона. У него часто бывает плохое настроение, но он служит мне верой и правдой уже не одно столетие.

– Три! – поддакнул ворон. – Сначала был его оруженосцем при жизни.

– И я искренне, всем сердцем, – продолжил Ксантий, – желаю тебе помочь вернуть Диану...

– Вернуть? – слабо переспросил я. – Что значит «вернуть»? Ее убили, напали ночью на наш дом, убили ее и Басита...

Ксантий переглянулся с мечом, будто ища у него немой подсказки. На этом мое терпение иссякло. Сказалось и общее нервное напряжение, и безмерно шокирующее обстоятельство в виде ожившей статуи и говорящего меча – словом, я нахожу основательные оправдания случившему абсурду. Оставив лопату лежать на том же месте, где я ее и оставил после уборки могилы, я с невиданной для себя прытью обошел Ксантия, вышел к протоптанной дорожке и молча пошел к выходу из кладбища.

– Он уходит? – раздалось позади меня возмущенное карканье. – Невоспитанный мальчишка! Проучи его, Ксантий. Разрешаю собой воспользоваться, но потом не забудь меня почистить.

– Мне это кажется, – стал успокаивать себя я, когда услышал тяжелые шаги рыцаря, приближающегося ко мне со спины. – Все это видение. Я окончательно обезумел. Вот и все.

– Душа Дианы все еще здесь, бродит среди живых, – Ксантий произнес это совсем негромко, но серьезность его голоса разом охладил мой ум и заставила меня замереть на месте. – Если ты не веришь, я могу показать тебе.

И тяжелая ладонь, закованная в латы, опустилась мне на плечо. Мгновение ничего не происходило. От мрачного предчувствия я перестал дышать, мое тело пронзило практически настоящей болью – и все из-за мысли о том, что Диана может быть здесь. Несмотря на то, что я нестерпимо жаждал вновь ее увидеть, мне было тяжело осознание мучений Дианы: всякая добрая душа стремится к перерождению в Духа, так нас учили в Братстве и так я продолжал считать и теперь. Раз она заперта на земле, то наверняка страдает от своей несвободы. Мгновение, за которое мои мысли успели разбухнуть в тревожный ком, быстро закончилось. Следующий вздох встал мне поперек горла.

Передо мной стояла Диана. Это был далекий, зыбкий силуэт, мерцающий солнечным светом, будто поверхность воды, и тем не менее, я точно узнал ее: осанка Дианы, ее длинные волны светлых волос – все было мне знакомо. Наконец, в этом образе даже угадывалась ее улыбка и легкий наклон головы к плечу, как у задорного ребенка. Она парила над землей и казалась полупрозрачным отблеском, наваждением. Когда я сделал шаг навстречу к ней, то она сама по себе отдалась, и как бы скорее я не шел к ней, все равно никак не мог догнать ее. Ноги мои заплелись, я рухнул в сугроб. От волнения у меня задрожало все тело, и я долго не мог подняться, пока Ксантий не подхватил меня под руку, позволяя опереться.

– Теперь ты видишь, – Ксантий посмотрел мне в глаза, и меня укололо искренним сочувствием в его взгляде. – Поверь, я желаю тебе только добра. Я не часто спускаюсь к людям, но твоя история во мне сильно отозвалась. Я понял, что ты как никто другой заслуживаешь милости святых. С моей помощью ты сможешь вернуть душу Дианы в загробный мир, найти виновного в ее смерти. Но прошу, не ищи мести. Пускай ответы на вопросы успокоят твое горе, а не бездумная жестокость. Виновного покарает справедливость. Не ты. Тебе не быть палачом, Мура. Я этого не позволю.

Мутное пятно солнца скрылось за облаками. Диана сначала засияла еще ярче, но затем коротко вспыхнула и погасла, растворилась в воздухе. Начался снегопад, легкий, не то, что

сутки назад – тогда крупные хлопья валили с такой силой, что за пару минут мостовая превратилась в сплошной сугроб. Теперь же снег разве что слегка щекотал открытые участки кожи возле моих глаз. Ксантий с долей неловкости похлопал меня по плечу, разжал металлическую ладонь и отошел в сторону.

– Хорошо, – медленно произнес я спустя время, когда взволнованные мысли в моей голове улеглись. – Я принимаю твою помощь.

– Он принимает! – выплюнул меч, зло щуря на меня единственный глаз. – Мальчик, сам Святой спустился с Пантеона ради твоих капризов, а ты имеешь наглость размышлять, стоит ли тебе принимать помощь или нет? Разумеется, ты ее примешь и будешь до конца своих дней благодарить Святого Ксантия Аполлония. И его верного оруженосца Рафаэля. Про меня не забудь.

– Я нахожусь заведомо в невыгодном положении, – без всякого трепета стал я пререкаться с вороном. – Конечно, я молился о помощи, но мне стоит больших трудов отказаться от мести. Разве ты сам не хотел отомстить за своего господина, когда его пытали враги Короля?

– Да как ты смеешь вспоминать при нем об этом! – Рафаэль от возмущения закашлялся, высунув острый язык из клюва.

– Ну-ну, полно вам, – рыцарь потрепал макушку ворона, черные перья затопорщились в разные стороны. – Что было, то было. Спасибо, что оказал мне такое доверие, Мура. Я горд служить людям.

Наша странная процессия – бывший ясильфийский монах в лохмотьях, святой рыцарь и его говорящий меч-оруженосец – вышла за ограду кладбища, провожаемая удивленным взглядом местного сторожа. Когда мы проходили мимо Вестора, я обернулся к рыцарю и коротко прошептал:

– Крикни ему «Справедливость в сердце!».

– Справедливость в сердце! – послушно продекламировал Ксантий и отвесил Вестору полушутливый поклон. Затем он повернулся ко мне: – Я понял твою уловку. Рыцарский орден – мои последователи. Я должен сойти за своего?

– Было бы странно, если человек, безумно похожий на Ксантия Аполлония, оказался не его ярым последователем, – я негромко стал объяснять ему свою цепочку умозаключений. – Поэтому пускай люди считают тебя религиозным фанатиком. Главное, чтобы ничего не заподозрили.

– Среди моих последователей нет фанатиков, – обиделся вдруг Ксантий. – Всех их отличает ясность ума и чистота помыслов.

Я скептически посмотрел на него, но не стал разочаровывать Святого – он наверняка проглядел, как месяц тому назад рыцарь из ордена сжег себя на главной площади столицы, крича «Справедливость в сердце!». Впрочем, кое-что о Святом я понял уже на этапе совсем непродолжительного знакомства, и это объяснило его внезапную обидчивость: Ксантий Аполлоний оказался весьма наивным, мягкосердечным человеком. Неудивительно, что при жизни он не заметил назревающий против себя заговор, который привел к его заключению и долгим пыткам – но умер он, так и не выдав ни одной тайны Короля. Наивный, добрый и преданный – вот, каким был Святой Ксантий.

Хорошо, что я оказался его полной противоположностью.

***

– Справедливость в сердце! – Ксантий улыбнулся во все зубы и лихо подкинул набитый монетами кошель в воздух. С тяжелым металлическим стуком он приземлился ему в ладонь. – Дам вам двести золотых за две смежных комнаты на втором этаже.

Трактирщик недоверчиво скривил рот, почесал бороду и как-то брезгливо взял из рук Ксантия деньги.

– Опять эти рыцари, – стал бурчать он под нос, ища наши ключи под прилавком, – неделю назад один из ваших у меня уже пожил. Чуть не разгромил харчевню, вон стулья стоят у окна сломанные, все – он! Дикие времена настали: городские Стражи грабят людей, а рыцари Справедливости пьянствуют и крушат все вокруг.

Во время его ворчания я с любопытством смотрел на Ксантия и ждал увидеть, как его улыбка превратится в обидную мину, но этого не случилось – казалось, Ксантий был так поглощен игрой в простого смертного, что даже не услышал бубнеж трактирщика. Зато меч его явно расслышал: глаз его недобро потемнел, перья распушились и, не будь мы на людях, он бы точно прокаркал в ответ какую-нибудь изошренную грубость. Наши взгляды столкнулись, я еле заметно покачал головой, как бы говоря – не надо, Рафаэль, не надо.

– А кто это с вами, господин рыцарь? – еще с большим подозрением спросил трактирщик, невоспитанно показав на меня пальцем. – Уж не прокаженный ли? Такого не пущу к себе. Хоть пятьсот золотых дайте – не пущу.

– Нет-нет, что вы, – торопливо стал объясняться Ксантий и демонстративно потрепал меня по голове. – Это мой оруженосец. Он скрывает лицо, потому что в детстве его ударила лошадь копытом. От носа там ничего не осталось. Бедный мальчик.

Глаз ворона сощурился от удовольствия, меч слегка затрясся в ножнах, как если бы смеялся; увидев это, я пнул его ногой.

– Он слабоват рассудком, но уж больно хорошо мне служит, – Ксантий накрыл ладонью рукоять меча и щелкнул его пальцем по клюву. – Прошу, не беспокойтесь, я не принесу вам никаких проблем!

Комнаты на втором этаже трактира оказались маленькими, как будто съжившимися от страха; постояльцев здесь толком не было, стоял запах сырости и хвои (во дворе росли четыре крупных ели). Я долго провозился с ключом в свою комнатку, а когда открыл дверь, то услышал тяжелые шаги Ксантия через стенку и его голос:

– Это совершенно нормально, – глухо прозвучало из соседней комнаты, – он шокирован. Дай ему время.

– «Нормально, нормально»! – передразнил его Рафаэль. – Что ты заладил! Ничего нормального в происходящем я не вижу. Мы тратим свое время и силы на неблагодарного мальчишку, который предал свое собственное Братство. Где тут твоя хваленая справедливость? Отступник, по-твоему, заслуживает помощи, а какой-нибудь верный служитель твоего учения – нет?

– Ты прекрасно знаешь, что дело не в этом, Рафаэль, – отмахнулся от него Ксантий. Судя по звукам, он ходил из стороны в сторону. – Застрявшая между мирами душа требует моего вмешательства. Этот монах слишком юн, у него не пробудились силы.

– У нас будут проблемы на Пантеоне. Вот увидишь.

– Вот и увижу. Отправляемся туда прямо сейчас!

– Что? – истошно завопил Рафаэль. – Ты не посмеешь туда заявиться после нашего позорного побега! Не смей, Ксантий!

– Да-да, Рафаэль. Конечно, я тебя послушаюсь.

Раздался негромкий хлопок – раз! – и все затихло. Звук недовольного карканья птицы как бы закрутился в воронку, становясь все дальше и дальше, пока окончательно не растворился в тишине. Одно время я лежал в постели, не в силах сообразить ничего толкового. Только бесконечные вопросы один за другим возникали в моей голове: вернется ли Ксантий? что представляет собой Пантеон? не решит ли он все-таки бросить меня, послушавшись Рафаэля? наконец, чем я заслужил такую милость Святых? Но, вдруг устав до той степени, что и вопросы перестали формулироваться в связные предложения, я закрыл глаза и практически сразу провалился в вязкий, глубокий сон.

Должен заметить, спал я всегда особенно глубоко, да и сны у меня зачастую были вещими: перед смертью Дианы мне во сне привиделся мертвый голубь, но тогда я этот дурной знак оставил без внимания. Порой мне снились люди, которых я встречал спустя недолгое время; или места, где я прежде никогда не был, но вскоре оказывался там. Такая чувствительность к тонким материям этого мира – распространенная особенность монахов. С самого детства в нас воспитывают эту черту, закаляют ее, пока не пробудятся настоящие силы, которые позволяют монаху напрямую общаться с Духами и видеть души так, как увидел я благодаря прикосновению Ксантия.

В ту ночь мне снова приснилась Диана. Она приходила ко мне во снах и прежде, но никогда раньше не вступала со мной в разговор. Место, в котором мы оказались, напоминало мутное отражение моей комнаты в трактире: вместо мебели угадывались только зыбкие очертания и пятна коричневого цвета, потолок был высоким, уходил далеко вверх, как небо, и все вокруг то и дело теряло свои формы, расплзалось в воздухе туманной дымкой. Душа Дианы горела солнечным светом, ее волосы показались мне практически белоснежными – до того ярко они сияли. Черты ее лица сохраняли четкость лишь мгновение, затем вдруг становились неопределенной игрой света и тени, только ее глаза в этом хаосе светились ярко и решительно, не теряясь в границах сновидения.

– Мура, – голос Дианы задрожал, как разбитое стекло, эхо породило новое эхо, и так звук моего имени окружил нас со всех сторон, звуча из каждого уголка иллюзорной комнаты. – Мура! Теперь ты слышал меня?

– Да! – я бросился к ней, но силуэт стал отдаляться от меня. – Я слышу тебя!

– Я рада, – губы Дианы исказила неровная улыбка. – Я так долго ждала возможности поговорить с тобой, Мура. Мне важно, чтобы ты знал: я всегда была рядом. Спасибо, что так долго навещал меня.

– Скажи, тебе плохо? – с тяжелым чувством на сердце прошептал я и застыл на месте. – Насколько это мучительно, быть запертой на земле, среди живых?

– Это нисколько не беспокоит меня, глупый, – рассмеялась вдруг Диана. – Все, что меня беспокоит – это ты.

Меня ошпарило смущением.

– Не переживай за меня, – торопливо стал я объясняться, – я совершенно того не стою! Пожалуйста, будь спокойна. Святой Ксантий поможет тебе переправиться в мир Духов, и тогда ты обретешь свое вечное счастье. Но если бы ты смогла помочь мне...

– Я не видела того, кто это сделал, – мягко перебила меня Диана. – Но порой меня посещают какие-то образы. Возможно, моя душа подсказывает нужный ответ. Хочешь, я покажу тебе?

– Да! – торопливо закивал я головой.

Диана взмахнула рукой – и картинка перед моими глазами перелистнулась, как страница книги. Теперь я очутился внутри видений Дианы. Перед моими глазами замелькали яркие всполохи красок: оранжевый, красный, желтый, потом снова красный, и вдруг вспышка малинового, и белого, и все заново. Потом в этом спутанном образе стали угадываться силуэты, и я понял: это были танцующие женщины. Алые губы расплылись в задорных улыбках, где-то мелькнули пышные букеты цветов, девушка в старомодном золотом кокошнике.

– Свадьба! – вдруг пронзило меня осознанием. – Диана, это свадьба последователей Аврелия!

– Значит, ищи свадьбу, Мура, – от голоса Дианы видения стали распадаться на короткие лоскуты, и скоро все пропало.

Проснулся я новым человеком. Сердце зажглось в моей груди спокойным пламенем справедливости.

Глава 2. Шуты и воры справедливости

На завтраке я не стал тянуть кота за хвост и решил в лоб задать Ксантию интересующий меня вопрос. Своей наглости я нахожу весомое оправдание: Ксантий вел себя совсем по-простому, и на второй день знакомства между нами установились такие легкие дружеские отношения, что я почувствовал себя вольным разговаривать с ним на любые темы, даже самые тайные.

– Как вчера ночью прошел твой визит на Пантеон? – как бы между делом поинтересовался я, катая по столу харчевни горошину.

Возле стула, к которому Ксантий прислонил меч, сразу же послышалось недовольное ворчание.

– Что-что? – с улыбкой переспросил рыцарь.

Сегодняшним утром он впервые снял с себя шлем, и теперь мне хорошо стало видно его лицо: благородное, с прямыми чертами и тонкими губами. Выглядел Ксантий так, как положено рыцарю из романов, особо изблюбленных публикой, но взгляд выдавал в нем натуру не только глубоко чувствующую, но и совершенно не умеющую это скрывать. Вот и сейчас он постарался сохранить невозмутимый вид, но растерянный взгляд выдал его замешательство.

– Мальчишка нас подслушал, – раздалось со стороны меча недовольное шипение. – Я говорил, что нельзя ему доверять!

– Не подслушал, – зло ответил я Рафаэлю, – просто кое-кому следует знать, что стены в трактире тонкие, и если кое-кто желает сохранить кое-какие вещи в тайне, то следует разговаривать шепотом!

– Ну хорошо, раз ты и так все знаешь, – легко поддался на хитрость Ксантий; он развел руками в стороны, как бы полагаясь на волю судьбы. – Я действительно посетил Пантеон и объяснил причину своего поспешного отбытия. Мое решение показалось остальным... немного опрометчивым, но очень достойным.

– Его подняли на смех, – отчеканил ворон.

– Посмеялся только Аврелий, – Ксантий отмахнулся от него и продолжил себя защищать: – Моя идея показалась ему абсурдной, но только по той причине, что мне следовало принять другой облик, а не вселяться в собственную статую. А сама мысль о необходимости вмешательства в твои дела, Мура, не вызвала у него вопросов. Это естественно: если душа застревает между мирами, кто-то отправляется ей на помощь. Мне остается только отрезать нить, связывающую Диану и мир живых. Для этого нужно разговорить ее. В большинстве случаев душу держит либо убийца, либо сама тайна преступления. Тогда все, что нам остается – это разгадать эту тайну и найти убийцу.

– Послушать его, так это легче простого, – недовольно пробурчал Рафаэль, и на этот раз я мысленно согласился с его скепсисом.

– В таком случае, – я с деланным пренебрежением пожал плечами, – Диана явилась ко мне во сне весьма кстати, да?

Мгновение Ксантий смотрел на меня с неопределенной улыбкой на лице, вид у него сделался практически блаженным, как будто всякая дурная мысль отскакивала от его головы, как капли дождя от железного доспеха. Затем постепенно, секунда за секундой, Ксантий стал выглядеть все более и более радостно, пока в абсолютном восторге не вскочил с места.

– Мура! – он с такой силой встряхнул меня за плечи, что все мое тело пронзил болезненный импульс. – Я так рад! Это первый шаг на пути к истине! Она разговаривала с тобой? Что она сказала?

– Я расскажу, но только если ты перестанешь меня убивать, – мне кое-как удалось вырваться из хватки рыцаря. Взъерошенный, я поправил платок на лице и, убедившись, что оно по-прежнему скрыто, пустился в объяснение.

Довольно кратко я пересказал Ксантию и Рафаэлю обстоятельства нашей встречи с Дианой и детали случившегося разговора.

– У аврелистов каждый день проходят свадьбы по всему городу, – прокаркал ворон, когда я закончил говорить. – Как нам найти ту самую, которая привиделась Диане?

– Положитесь на мое чутье, господа, – качнул головой Ксантий. – Оно еще никогда меня не подводило.

– В этом ты прав, – на удивление искренне согласился с ним Рафаэль. – Если бы не оно, ты бы умер в еще более раннем возрасте.

Так мы и пришли к решению положиться на волю судьбы и последовать туда, куда приведет интуиция Ксантия. Сначала она проложила нам дорогу до лавки Пьера; я извинился перед ним, что так внезапно пропал, и дал обещание не ввязываться больше ни в какие неприятности. Потом мы прошлись вверх по улице и заглянули к газетчику. Ксантий с особым трепетом развернул газету и счастливо пробормотал, находясь как бы в прострации:

– Никогда в жизни не держал в руках настоящую газету!

Мы застыли посреди улицы, терпеливо дожидаясь, когда Ксантий закончит любоваться сероватой бумагой.

– В наше время еще не изобрели печатные машинки, – деловито принялся объяснять мне Рафаэль. – Книги представляли из себя особую роскошь. Но я частенько их почитывал в королевской библиотеке, когда Ксантий был занят службой при молодом наследнике престола. Теперь-то вы и газеты печатать можете, вот она, сила прогресса!

– В Ясильфе печатные машинки появились на семьдесят лет раньше, – похвастался я. – Их изобрели студенты нашей столичной Академии. В резиденции Монашеского братства было несколько экземпляров с позолоченными клавишами. Когда-то я даже сам составил небольшое письмо.

– «Позолоченные клавиши»! – фыркнул меч и недобро сощурил янтарный глаз. – Вы, монахи, знаете толк в расточительстве. В наше время в людях ценили скромность и отсутствие жадности.

– Золото священо для ясильфийцев, – возмутился я. – Этот металл выступает проводником между нашим миром и миром Духов! Поэтому в монашеском одеянии много золотых элементов. Это основа истории религии, об этом разве не писали в королевских книгах?

Клюв ворона уже распахнулся было для очередного потока раздражения, как вдруг Ксантий резко опустил газету и воскликнул:

– Золото! Ну конечно! Мура, ты упоминал, что невеста была в золотом кокошнике? Вот же оно, прямо на первой новостной странице!

Тут Ксантий развернул перед нами газету, и в глаза мне сразу бросился крупный заголовок с текстом под ним:

«Свадьба века!

25 числа состоится бракосочетание графа Винтари и баронессы Шесбер. Глубоко уважаемый в нашем обществе граф Винтари вернулся после дипломатической миссии из Ясильфы и сделал предложение баронессе на третий месяц своего пребывания в столице Штормганы. Как сообщает источник, близкий к семейству графа, свадьба будет проведена в традициях последователей Аврелия. Напомним нашему читателю, что аврелисты придают особое значение семье, а свадебные традиции обязывают их выбирать уникальный цвет для головного убора невесты. Этот цвет впоследствии станет основным для нового фамильного герба двух объединенных семейств. Баронесса Шесбер на прошедшем балу объявила, что их семейным цветом станет золотой».

– Неудивительно, что невеста ясильфийского дипломата выбрала золотой цвет, – прокомментировал прочитанное я. – В этом есть логика.

– Теперь остается каким-то образом проникнуть на завтрашнюю церемонию, – принялся рассуждать Рафаэль. – Пройти без приглашения мы вряд ли сможем, это все-таки графская

свадьба. Проникнуть тайком... высок риск того, что нас вышвырнут, и тогда плакали наши планы.

– Какое счастье, что с нами есть ты, Рафаэль, – как-то подозрительно ласково заулыбался Ксантий. – Ты ведь добудешь нам приглашение, верно?

– Я? – издал ворон скрипучий крик. – Как это я добуду приглашение, если я жалкий кусок металла?

– Ну что же, это легко можно исправить.

И тут случилось нечто странное, с чем я прежде сталкивался разве что на кладбище, когда статуя рыцаря ожила – на язык мне просится только одно слово, способное описать это «нечто». Магия. В Штормгане она была утеряна десятки веков назад, но теперь она творилась прямо на моих глазах: Ксантий приложил два пальца, указательный и средний, к макушке ворона, потом воздух окрасился серебряной пылью, запахло так, будто только-только отгремела гроза. Я в спешке огляделся по сторонам, но улица оказалась совершенно опустевшей. Ксантий беззвучно прошептал что-то, и вдруг из меча вырвался наружу черный силуэт – это живой ворон слетел с рукояти. Рафаэль долго кружился над нашими головами, радостно каркая, затем рублеными движениями крыльев стал снижать высоту и опустился рыцарю на плечо. Коготки ворона заскребли по железным доспехам, Рафаэль расправил крылья, чтобы вернуть себе равновесие.

– Почему ты сразу так не сделал? – возмущенно затараторил он Ксантию на ухо. – Ты специально издевался надо мной! Я улечу и ты больше никогда меня не увидишь! Все эти столетия я бесконечно терплю издевательства, но на этот раз мое терпение окончательно – слышишь? окончательно! – лопнуло! Все. Прощай, Ксантий.

И ворон был таков. Он неуклюже оттолкнулся от плеча рыцаря, взмыл в воздух, и скоро его черный силуэт превратился в крохотную кляксу на небосводе.

– Вечером он вернется, – простодушно отмахнулся Ксантий. – Вот увидишь.

***

И действительно, стоило сумеркам опутать наш трактир долговязыми тенями и стоило мне усесться на скрипучее кресло в комнате Ксантия (мы решили вместе дожидаться возвращения ворона), как вдруг в окно принялись раздраженно, отрывисто стучать. Я поднес к окну свечку: Рафаэль, всклокоченный и до невозможности злой, расхаживал по подоконнику, делая большие шажки своими когтистыми лапами. В клюве он держал пергамент, перевязанный золотой лентой.

– Это Рафаэль? – радостно засуетился Ксантий и поспешил к окну.

Каждый шаг рыцаря сопровождался металлическим грохотом, и я услышал, как с первого этажа послышались проклятия.

– Рафаэль! – заголосил Ксантий, распахивая окно. – Я знал, что ты вернешься! Прости, что сделал тебя мечом. В тот момент ничего лучше мне не пришло в голову.

Ворон с минуту постоял на подоконнике, как бы обдумывая, стоит ли прощать рыцаря, затем чинно прошел внутрь комнаты, выпустил из клюва пергамент и демонстративно отвернулся в сторону. Я поймал свиток и передал его Ксантию. Сначала он читал про себя, затем один отрывок из письма зачитал вслух:

– «...приглашается сэр рыцарь Валентиус и его оруженосец», – Ксантий с торжественной улыбкой посмотрел на меня. – Великолепно! Рафаэль, ты чудо! Завтра утром мы отправляемся на свадьбу графа Винтари.

– Неужели граф и баронесса не знают в лицо того, кого приглашают на собственную свадьбу? – усомнился я.

– Вот! – вдруг закричал Рафаэль, резко поворачиваясь ко мне. С каждым новым словом он с угрожающим видом делал шаг вперед по столу, примыкающему к подоконнику. – Я так и

знал! Так и знал, что ты начнешь сомневаться в моих способностях! Верой и правдой я служил Ксантию долгие столетия, и вот, что я получаю в итоге. Недоверие!

Он сделал драматичную паузу, остановился и взмахнул крылом, как бы прикрывая глаза.

– Да будет тебе известно, мальчишка, – продолжил он, недружелюбно шуря на меня глаза, – что я всегда отличался особой сообразительностью! Благодаря ней мы и выживали с Ксантием в эпоху королевских переворотов! Так вот. Я подслушал разговор этого жалкого сэра Валентиуса и его оруженосца. Ему выбил приглашение рыцарский орден. Сэр Валентиус остался совсем без средств к существованию и на свадьбе он собирается рассказывать про свои несуществующие подвиги и выпрашивать пожертвования. Он не знаменит, не возвращается в высших кругах общества и эта свадьба – его последняя надежда расправиться с накопленными долгами.

– Как нехорошо, что мы украли у него приглашение, – сразу понурился Ксантий. – Надо вернуть его обратно. Рафаэль...

– Нет! – завопил ворон и зло растопырил крылья в стороны. – Я не полечу обратно! Даже не проси. Ты сказал мне добыть приглашение. Я это сделал. Свои моральные дилеммы оставь при себе, меня это совершенно не касается.

– Тем более, сэр Валентиус собирался обманом добыть деньги, – я встал на сторону Рафаэля. – Это плохо. Лучше дождись его прихода и дай ему мешок золотых, Ксантий.

– И то верно, – задумчиво протянул рыцарь, нащупав рукой внушительного размера кошель у себя на поясе.

– Но не вздумай отдавать ему все золото, иначе мы останемся без крыши над головой, – назидательно прокаркал ворон.

О ужас, в этот момент меня как будто ударило по голове: я понял, что все чаще и чаще стал соглашаться с мнением этой ворчливой птицы. В кого же я, вечно смеющийся, резвый мальчишка успел превратиться за два года пребывания в Штурмгане? Не в того же скупого на доброту старика?

Ночью мне снился ворох ярких красок и золото кокошника, вспыхивающее в лучах солнца. Дианы нигде не было – я звал ее, но отвечала мне одна лишь тишина. Разбудил меня бодрый стук в дверь. На пороге оказался Ксантий: он стоял, сверкая начищенными доспехами и неизменной улыбкой, шлем он держал в руках, как тыкву, волосы пустил густой темной волной по левому плечу, а на правом у него примостился взъерошенный, сонный Рафаэль.

– В путь, мой друг! – торжественно провозгласил Ксантий.

– Тише ты, люди спят, – ошетинился на него ворон.

Пока мы спускались по лестнице, несколько человек с этажа успели проснуться от грохота, поднявшегося из-за тяжелого шага Ксантия. В спину нам посыпались проклятия, и я поспешил к выходу из трактира. Мне, признаться честно, к оскорблениям не привыкать: мой внешний вид, спрятанное за платком лицо и обноски вместо приличной одежды всегда вызывали одну реакцию у жителей Хэстмира – отвращение и страх. Ксантий же быстро сделался грустным, было заметно, что все упреки он принял близко к сердцу. Спустившись на первый этаж, он ощутимо осторожнее стал шагать, а оттого сделался еще более смешным и неуклюжим. Рафаэль со стыда слетел с его плеча и приземлился на мое.

– Сколько минуло столетий, а он никак не поменялся, – посетовал ворон мне на ухо. – Все такой же добряк и растяпа. Окружение из таких людей, как мы с тобой, ему жизненно необходимо.

– Мы? – скептически поднял я брови.

– Да-да, ты думал, я не замечу? – Рафаэль смешливо сощурил глаза. – У нас с тобой похожие характеры, малец. Смотрю на тебя и узнаю себя в молодости.

– Какая глупость, – сердито ответил я и резко качнул плечом, чтобы стряхнуть ворона.

Рафаэль, не ожидавший такого предательства, распахнул клюв, вскрикнул и забарахтался в воздухе, пока не взлетел, неуклюже маша крыльями, к потолку трактира.

– Птица! – завопил трактирщик и запустил в Рафаэля полотенцем. – Прогоните птицу! Скорее!

Поднялся шум, немногочисленные посетители харчевни повскакивали с мест, кто-то швырнул в ворона кувшин с водой, осколки приземлились молоденькой служанке на голову – и начался крик, плач, вороновы перья полетели во все стороны, Рафаэль безумно заметался из одного угла зала в другой, пока, наконец, не вылетел в дверь, которую я услужливо распахнул.

– Рафаэль! – запоздало прокричал Ксантий и бросился за ним следом.

Всю дорогу до графского особняка ворон меня игнорировал – хотя не сказал бы, что я предпринимал искренние попытки с ним помириться. Зато Ксантий то и дело начинал со мной диалог, но все никак не мог подобраться к тревожащей его сути. То с одного угла зайдет, то с другого, и все время говорит про газету, попавшуюся ему вчера в лавке. Наконец, я сам уже не выдержал, прямо спросил у Ксантия, что ему от меня нужно, и тогда он довольно быстро, совсем недолго еще потупившись, достал из-за пазухи сложенную в несколько раз газетную страницу.

– Ты знал, что о тебе пишут? – тактично поинтересовался Ксантий.

Меня как ошпарило кипятком. Торопливо я вырвал из рук рыцаря бумагу и развернул ее. «Разыскивается сбежавший из Ясильфы монах!», – гласил заголовок.

Я опустил взгляд и прочел ниже следующее:

«Второй год ясильфийские власти разыскивают предателя Монашеского братства. Иностранное ведомство особых преступлений сообщает о чертах монаха: это молодой человек лет двадцати, невысокого роста, с чрезвычайно бледным лицом и русыми волосами по плечи. Говорит с акцентом, картавит. На левом запястье – метка черного цвета. Преступник может скрывать лицо за маской. Его имя – Ласнэ Нокла, но может называться другим штормганским именем, чтобы не вызвать подозрений. Просьба незамедлительно сообщить Темной (городской) страже в случае обнаружения подозрительного лица. За поимку живого монаха обещана награда в пятьдесят тысяч золотых».

– Тебе нужно быть осторожнее, Мура, – участливо вздохнул Ксантий. – Будем держаться подальше от Стражи. Ты произвел настоящий фурор своим побегом. От Монашеского братства еще ни разу не сбежали.

Охваченный тревожными мыслями, я коротко кивнул Ксантию и на долгое время замолчал.

Газетная статья вернула меня назад в прошлое и напомнила мне о времени, когда я только-только пересек границу. Сначала меня преследовали ясильфийские «гончие» – члены ведомства особых преступлений, которым Главенствующий Братства отдал приказ разыскать меня и вернуть обратно. Диана быстро поняла, что к чему, когда я наотрез отказался показывать лицо. Беглого монаха никто не ждал в Штормгане, да и Ясильфа приняла бы меня еще с меньшим радушием, задумай я вернуться обратно. Деваться было некуда. Диана единственная отнеслась ко мне по-человечески, дала приют, помогла скрыться от «гончих» и штормганских Стражей. На какое-то время мне удалось залечь на дно, но вот теперь снова, спустя два года, меня объявили в розыск. Как-то Главенствующий сказал мне: «Из Монашеского братства есть только один выход – в небытие». Оставшийся в живых предатель Братства противоречил его принципам одним своим существованием. Либо я должен был погибнуть, либо вернуться с покаянием и всю оставшуюся жизнь быть изгоем среди монахов. При существующих двух путях я выбрал третий: остаться в Штормгане и держаться Ксантия Аполлония, надеясь на то, что и дальше Святой будет мне благоволять.

Мне не давала покоя строка про метку на руке – откуда Стража узнала о ней? Обстоятельства, при которых я обзавелся этим черным следом на запястье, я старался лишней раз не

вспоминать: настолько ужасающей мне была одна лишь мысль о произошедшем. Это случилось спустя непродолжительное время после смерти Дианы – на третий или пятый день. Я скитался по трущобам Хэстмира, Пьер к тому времени еще не нашел меня и не дал мне приют на втором этаже своей лавки, и я спал там, где находил место – на свалках, в полуразрушенных домах, руинах старого города. Была ночь, я лежал на соломе под открытым небом, меня окружали стены когда-то высокого, но небольшого амфитеатра, где проходили бои между животными. Не затянутый облаками небосвод казался бесконечным, тысячи звезд лежали передо мной, и я долго любовался ими, не в силах заснуть. Потом что-то неуловимое изменилось в воздухе: как будто к моему дыханию добавилось чье-то еще, но необычайно чужое, далекое, ледяное. Я тут же подорвался с места, принялся оглядываться кругом, но никого и ничего не заметил – ночь была тихой и спокойной. И тогда ко мне стал подступать ужас. Его поступь была невесомой, он медленно, практически ласково подкрадывался ко мне со спины, и скоро я уже перестал видеть и слышать от страха, перестал думать. Перед глазами замелькали золотые вспышки. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного. Этот ужас оказался за гранью человеческого восприятия, каким-то шестым, единственным работающим во мне чувством я понял: я повстречался с кем-то не из мира живых. Темный дух. Да, это был он – стоило мне поймать эту мысль, как я тут же принялся читать хорошо изученную мной молитву, которой монахи изгоняют духов. Каждое слово, даже мысленно, давалось мне с невероятным трудом, и когда я уже было дочитал молитву, мое левое запястье словно охватило огнем. Я хотел закричать, но не смог. Боль была настолько сильна, что я, кажется, потерял сознание – на долгое время все потонуло во мраке, и даже ужас успел сойти на нет. В этой бесконечной темноте только изредка мерцал золотой цвет. Когда я очнулся, то обнаружил себя в полном одиночестве. Вокруг моего запястья чернела метка в виде сжатых пальцев.

Тем временем мы подошли уже совсем к воротам графского особняка. Возле витой ограды стоял слуга, проверяющий у посетителей приглашения; вдоль забора зеленел косматый хвойный плющ, ворота дугой опоясывал вылитый из бронзы виноград. Творение было настолько искусным, что на мгновение мне показалось, будто настоящий виноград действительно плодоносит в мороз. Рафаэль стал снижать высоту и скоро опустился на черепичную крышу зажиточного дома. Экстерьер его был выполнен в экзотичном стиле: наличники полукруглых окон были расписаны пестрым узором, облицовка не уступала им в яркости, была выложена белым и коричневым кирпичом, фронтоны повторяли форму окон и шел плавной волной, ниспадающей ближе к краям. Одним словом, на типичное штормганское здание этот особняк не был похож, скорее на современное творение ясильфийских зодчих.

Слуга пропустил вперед даму в объемной рыжей шубе и с хорошо отрепетированной улыбкой обернулся к Ксантию.

– Сэр рыцарь, изволите показать свое приглашение? – пропел он, покачиваясь на носочках.

– Конечно-конечно, – засуетился Ксантий и протянул слуге сложенный вдвое лист пергамента.

– Рад приветствовать вас, – слуга сделал паузу, вчитываясь в текст, – сэр Валентиус! О вашем прибытии доложат графу, он очень ждал встречи с вами.

– Неужели? – Ксантий расплылся в горделивой улыбке. – Какое счастье! Ведь я тоже.

Удача пока была на нашей стороне: на меня не обратили никакого внимания. Чтобы избежать этого в будущем, я хорошенько сгорбился, потупил взгляд и засеменял вслед за широко шагающим Ксантием, как раз вписываясь в размер его тени. Снег захрустел под нашими ногами.

– Я переживаю за настоящего сэра Валентиуса, – прошептал мне Ксантий, прежде чем переступить порог особняка.

Мы остановились в тени хищной ели.

– Что с ним случится, когда он поймет, что потерял последнюю надежду? – рыцарь трагично вздохнул и приложил ладонь к сердцу. – Я не могу допустить, чтобы такое несчастье случилось по моей вине, Мура! Что же нам делать?

– Давай поступим так, Ксантий, – принялся рассуждать я. – Без скандала сэра Валентиус точно не уйдет, раз эта свадьба была для него важна. Мы будем внутри, а как только услышим звуки намечающегося спора, то выйдем и скажем сэру Валентиусу, что произошло недопонимание. В Ордене решили отправить на свадьбу другого рыцаря, а сэру Валентиусу нам положено передать денежную компенсацию. Ты дашь ему золотых, мы дружно разойдемся. Вот и все.

Признаться честно, эту глупость я выдумал на ходу и совершенно не верил в то, что сам говорил – какой еще скандал? где гарантия того, что он случится? а если он случится, где гарантия, что мы обязательно его услышим? Подводных камней было не счесть, но Ксантий без всяких вопросов поверил мне.

– Ты прав, замечательный план, Мура, – он похлопал меня по плечу. – Тогда я буду отвлекать графа и его супругу, а ты слушай, что происходит на входе! Смотри, не пропусти сэра Валентиуса.

– А что будет делать Рафаэль?

– Следить за обстановкой снаружи. Если сюда нагрянет Стража, то он предупредит нас.

Стоило нам оказаться внутри здания, как праздник тут же накрыл нас с головой, подхватил и бросил вперед по своему безумному течению. Всюду мелькали пышные платья всевозможных ярких оттенков: от фиолетового до желтого. Камзолы мужчин были расшиты бисером и драгоценными камнями, выполнены они были из бархата или сатина; господин с модно закрученными усами чуть не наступил мне на ногу, и я хорошо успел разглядеть его сапоги из змеиной кожи. По сравнению со строгим, прагматичным принципом штормганской одежды, костюмы гостей графской свадьбы казались шутовскими нарядами, и тем не менее, все несли себя с чрезвычайным достоинством и даже надменностью. Последователи Аврелия – понял я. Вот, в чем было дело. Никогда прежде я с ними не сталкивался. Ксантий, казалось, тоже был немало шокирован и до неприличия долго засматривался то на одного молодого человека в шляпе с изумрудными перьями, то на даму в красной меховой накидке с золотой брошью. Гости были заняты друг другом: несмотря на то, что мы с рыцарем очевидно не вписывались в высшее общество, нас не удостоили ни одним заинтересованным взглядом.

Сам жених, граф Винтари, предстал перед восхищенной публикой в золотом костюме со стрельчатой юбкой – это было очередное заигрывание с ясильфийской модой. На голове у него было что-то вроде тюрбана, который сверкал в воздухе, возвышаясь над головами гостей: этот дрейфующий островок неопределенной формы я заметил издали и сразу сообщил об этом Ксантию.

– Вот он! – я кивнул в сторону тюрбана.

– Мне стоит его опасаться или наоборот, вступить с ним в беседу? – принялся рассуждать Ксантий, обращаясь не то ко мне, не то к собственному разуму.

– Попробуй поговорить с ним и познакомиться с невестой, – пожал я плечами. – Может быть, она знает какую-то информацию, которая поможет найти убийцу. Не зря ведь Диана видела образ кокошника.

Пока мы шептались, тюрбан оказался в опасной близости от нас: граф здоровался с гостями, переходил от одного к другому, и скоро встал совсем рядом с нами. Как-то естественно вышло, что Ксантий в этот момент повернулся в его сторону, их взгляды столкнулись, мгновение граф молча смотрел на него, затем вдруг как по щелчку пальцев пространное выражение его лица сменилось на приторное удовольствие.

– Сэр рыцарь! – всплеснул он руками и поспешил в нашу сторону. – До чего приятная встреча! Признаться честно, я и не надеялся вас увидеть: сами знаете, какие настроения витают

в воздухе. Но я преисполнен вдохновения на этот шаг! Да! Я так решил: пускай аврелисты и ксантийцы выносят свои споры на публику, я останусь при своем и буду нести в люди идею о мирном сосуществовании всех штормганских религиозных течений! Большое вам спасибо, большое спасибо, – тут он начал торопливо пожимать Ксантию руку, – что согласились прийти! Пускай для вас и вашего оруженосца сегодняшний вечер станет доказательством того, что примирение между нами не просто возможно – оно жизненно необходимо как нам, так и вам. Прошу, передайте Рыцарскому ордену мои наилучшие пожелания и благодарность.

Тут с другой стороны подоспела невеста – графиня (в прошлом баронесса) Шесбер. Она легко пересекла толпу, грациозно причалила к плечу своего мужа и сразу же заговорила, стоило ему сделать паузу:

– Да-да, какое счастье, дорогой сэра Валентиус, что вы пришли! Прошу, располагайте гостеприимством наших домов, и пускай справедливость в вашем сердце откроется теплу семейных аврелийских традиций!

Кокошник на ней был точь-в-точь, как в моем сне. Сомнений не было, подсознание Дианы что-то пыталось ей сообщить. Не графиня ли стояла за ее убийством, вдруг с отвращением подумал я. Подозрительно я вгляделся в ее лицо, поймал на мгновение чужой взгляд, но не разглядел в нем ничего дурного: только жалость и немного испуга.

– Скажите, сэра Валентиус, а ваш оруженосец здоров? – негромко проговорила она, нервно кривя губы.

– О, здоров как таурувр, ваше сиятельство, – принялся за старое Ксантий. – В детстве его лягнула лошадь...

Дальше я уже не стал слушать. Через окно мне открывался довольно подробный вид на улицу: был виден хвойный штормганский плющ и слуга в меховом сюртуке. Шел легкий снегопад. Время потекло совсем быстро, в затянувшийся разговор между молодоженами и Ксантием я перестал вслушиваться, но все-таки не смог остаться в стороне, когда граф с полной уверенностью в собственной правоте заявил:

– В Ясильфе, конечно, самое интересное – это Монашеское братство. Уж сколько уголков этой дикой страны я успел объездить, но не встречал ничего диковиннее этих монахов! Кто в нашем, то есть штормганском, представлении, есть монах? Это аскет, отказавшийся от мирской жизни! И пускай монашество у нас не прижилось (так уж сложилось, предпосылок было много), но все же аскеты у нас были. Например, у последователей Аврелия есть «святые матери». Не буду вдаваться в подробности, но за основу была взята как раз практика монашества, но в том виде, изначальном, в котором главными принципами монаха становятся аскетизм, жертвенность, милосердие и так далее. Думаю, вы уловили суть. Что же из себя представляет ясильфийское Монашеское братство? Это наемная сила (как у нас – охотники), которая за плату (заметьте себе!) борется с так называемыми «Темными духами». Монахи ходят в черном, носят золотые украшения, прячут свое лицо. И знаете, почему прячут? Потому что мы, простые люди, якобы не достойны его видеть! Они напрямую общаются со своими «Светлыми духами» (все равно что у нас Святые), поэтому их лица считаются наделенными особой святостью. Так вот, господа, – тут он обратился к многочисленной публике, которая успела образоваться вокруг него, графини и Ксантия, – я должен вам сказать, что эти монахи совершенно не отличаются никакой святостью! Они просто запугивают простой народ, отбирают у них последние гроши, а потом молятся на воздух! Никаких «темных духов» в помине не существует, уж поверьте.

– Ваше сиятельство, простите мою дерзость, – вдруг с легкой, немного отстраненной улыбкой произнес Ксантий. – Но правду знают только Святые. Монахов потому и боятся – они наделены потусторонней силой и видят Духов. А простой человек, как мы с вами, может только догадываться об их существовании.

В этот момент я совершенно по-новому взглянул на Ксантия; если раньше в моем к нему отношении сквозила издевка, то теперь я ощутил искреннее уважение.

– А я знаю одно наверняка, – опередила своего мужа графиня. – Семейные узы сильнее любого ясильфийского монаха!

Ее реплика была встречена восторженным согласием, и скоро тема оказалась исчерпанной. Про нас с Ксантием снова забыли и мы поторопились воспользоваться этим – направились к выходу.

Все в тот день сложилось с определенным расчетом, как будто судьба взялась за наши жизни и начала плести свою четкую гармонию. Стоило нам оказаться вне стен графского дома, как перед слугой у ограды нарисовался сэр Валентиус. Я сразу узнал его – это был рыцарь в поношенных, потертых и скрипучих доспехах, с красным лицом и невероятно звучным голосом.

– А я вам повторяю! – заговорил он, надвигаясь на слугу. – Его сиятельство граф меня ожидает!

– Без приглашения, увы... – заблеял слуга.

– Отойди с дороги! – рыцарь грубо оттолкнул слугу, тот замялся, запутался в собственных ногах и чуть не полетел напрямик в сугроб.

На тропинке к особняку остались мы втроем: Ксантий, сэр Валентиус и я.

Мы замерли.

***

– Разве Рыцари справедливости могут так поступать с простым человеком? – первым заговорил Ксантий и кивнул в сторону несчастного слуги.

Ладонь сэра Валентиуса опустилась на рукоять меча. Я напрягся.

– А ты кто такой, чтобы делать мне замечания?

Воздух, казалось, загустел между ними двумя, налился тяжестью, как бывает в предгрозовую жару. Я заметил, что Ксантий тоже сжал в ладони меч – жалко, что на рукояти больше не было Рафаэля, может, его острый язык помог бы нам в этой ситуации.

– Я рыцарь справедливости, – просто ответил Ксантий. – Разве этого не достаточно для того, чтобы обращаться ко мне с уважением?

– Сейчас всякий дурак горазд назвать себя рыцарем, – отмахнулся от его слов Валентиус. – Ты для меня никто, и уважать тебя за надетые доспехи я не стану.

Тут дрожащий от страха слуга выхромал на тропинку между Ксантием и Валентиусом, расправил спину и с невиданной для своей щуплой фигурки звучностью произнес:

– Господа! – поначалу его голос скорее проскрежетал о воздух, но вот он набрал воздуха в легкие и повторил: – Господа! Прошу вас, не нужно скандалов! У графа свадьба! Прошу, сэр рыцарь, если мой отказ пропустить вас задел вашу честь, то я глубоко извиняюсь перед вами. У меня есть четкие указания: не пускать тех, у кого отсутствует приглашение.

– Позовите графа! – рявкнул рыцарь и с плохо скрываемым раздражением убрал ладонь с рукояти меча. – Пускай он разберется.

Действительно, ситуация складывалась таким образом, что без третьего авторитетного лица наши шансы попасть в переделку стремительно возрастали. Сэра Валентиуса я представлял щуплым, болезненным на вид мужчиной средних лет, который способен скорее на плаксивую истерику, чем на полноценную дуэль. Теперь же, убедившись в серьезности его намерений, мы с Ксантием напряглись. Стремясь найти Рафаэля, я задрал голову и взглянул на крышу – маленькая фигурка ворона чернела на самой вершине дома. Между тем, не прошло и пяти минут, как граф собственной персоной показался у двери и деловито, не без подозрения оглядел всех нас: меня, Ксантия, сэра Валентиуса, зло расхаживающего туда-сюда, и напуганного, сгорбленного слугу.

– Должно быть, произошло недоразумение, – граф сделал пару коротких шагов и похлопал себя перчатками по раскрытой ладони, как бы размышляя. – Я приглашал одного рыцаря, но Орден прислал двоих. Господа, вы оба гости в моем доме. Прошу вас, забудьте возникший конфуз и насладитесь угощениями.

– «Орден», – раздраженно передразнил сэр Валентиус, стоило графу скрыться за дверью. – Я к Ордену не имею никакого отношения! Я свободный рыцарь!

– Я ни в коем случае не покушаюсь на вашу свободу, – Ксантий миролюбиво развел руками. – Так уж вышло, что сегодня нам придется быть вместе на одном мероприятии. Это ни к чему нас не обязывает. Вы идите своей дорогой, сэр рыцарь, а я пойду своей.

– Не указывай мне! – сэр Валентиус прошел мимо него и намеренно задел плечом.

Хлопнула входная дверь. Казалось, конфликтная ситуация разрешилась, напряжение сошло на нет, но неприятный осадок заставил меня помедлить, прежде чем обратиться к Ксантию; тот стоял с не менее недовольным видом, лицо его враз сделалось острее, взгляд потемнел.

– Нам нужно за ним проследить, – сказал я Ксантию. – Уж не знаю, интуиция это или тревога.

Ксантий резковато кивнул, соглашаясь с моими словами. Когда мы вновь оказались внутри особняка, полная гостями зала стала свободнее: часть посетителей перешла в другую комнату, где граф показывал ясильфийские диковинки. Я заглянул туда из любопытства и краем глаза заметил знакомую мне монашескую маску – она лежала на алой бархатной подушечке под стеклом, как особо редкое насекомое в лавке лекаря. От вида пустых глазниц маски меня пробрало ледяной дрожью, волосы на моем затылке зашевелились. Когда-то я носил такую же. Когда-то я был настоящим монахом.

Сэра Валентиуса мы заметили не сразу, но этому нашлось достойное оправдание: он стоял в кругу молодых леди, щебечущих так звонко и восторженно, как умеют только те девушки, которые совсем недавно вышли в свет. Рыцарь спрятался за пышными юбками и веерами; раскрасневшийся и довольный, он то и дело произносил какую-то невозможную ерунду (это только мое предположение, так как расслышать его слов я не смог), над которой дамы благосклонно посмеивались. Ксантий навис надо мной мрачной тучей, с хмурым видом он ел угощение с волнующимися грибами, которые тонко попискивали, оказываясь между зубов. Неладное мы стали подозревать, когда сэр Валентиус уж больно близко принялся пододвигаться к одной чрезвычайно милостивой молодой даме. Она же, совершенно не замечая поползновения рыцаря, так звонко рассказывала историю, что даже в дальнем углу зала, который заняли мы с Ксантием, были слышны ее восторженные «дядюшка», «тетушка» и «загородное поместье с садом». Со всех сторон их обступила толпа молодых людей, и Валентиус, тем не менее, совершенно неприемлемым образом сокращал дистанцию между собой и садовой дамой.

– Я не намерен больше терпеть это, – Ксантий швырнул на пол вилку, которой ел волнующиеся грибы.

– Постой! – я тронул было его за локоть, но рыцарь ускользнул и вырвался вперед.

Ксантий зря беспокоился: сэр Валентиус собственноручно вырыл себе яму. Секунда – и он вдруг схватил с пояса молодой дамы расшитый жемчугом мешочек, в котором принято было хранить украшения, и рванул к выходу. Его несуразные, потертые латы заскрипели в такт отрывистым движениям. Одно время стояла тишина, всех, в том числе и даму с садом, охватило невероятное замешательство – никто даже не кинулся следом за вором, и вот уже вскоре он скрылся за дверью.

– Что произошло? – принялась волноваться публика. – Вы видели, что случилось?

– Моя сумочка! – запоздало вскричала садовая дама. – Он украл мою сумочку!

– Очаровательная леди! – Ксантий приблизился к ней с почтительным поклоном. – Прошу, не думайте, что за этим стоит Рыцарский орден. Этот вор не имеет никакого отношения к рыцарям справедливости! Я немедленно отыщу его и верну ваш аксессуар.

Конечно, к тому времени, когда мы с Ксантием оказались на улице, след сэра Валентиуса давно затерялся в наступившем снегопаде. На Хэстмир опустились тяжелые, мрачные сумерки, тени сделались хищными, далекий свет фонарей зажегся прерывистыми огоньками.

– Я видел, куда он ушел! – вдруг раздался над нами скрипучий голос Рафаэля. Он приземлился на плечо Ксантия и продолжил, отряхнув голову от снега. – В лес. Он сбежал в лес!

– Идти сейчас в лес – настоящее безумство, – принялся я убеждать рыцаря. – Мы заблудимся или попадем в лапы дремучему медведю.

– Моя интуиция не может ошибаться, – заупрямился Ксантий и решительно вышел за ограду особняка. Сугробы закрипели под его тяжелым шагом, морозный ветер взметнул блестящие локоны темных волос, и его лицо как бы покрылось сеткой, спряталось за спутанными прядями. Он обернулся и посмотрел на меня: – Идем! Я точно знаю, что мы должны вернуть сумочку даме, иначе зачем мы стали свидетелями этой сцены?

– Ксантий, любишь же ты ввязываться в неприятности, – поддел его Рафаэль. Он легко оттолкнулся от плеча рыцаря и взмыл на небольшую высоту в воздух. – И я как всегда заложник твоего хотения!

Это был третий раз, когда я полностью согласился со словами ворона.

Глава 3. Мученики

Чтобы представить себе штормганский лес, недостаточно обладать хорошим воображением: нужно в действительности хотя бы раз оказаться в Штормгане. Леса занимают большую площадь королевства и простираются на внушительные дали вплоть до границы с Рухстаном. Хэстмир располагается в центральной части страны, и ближе к середине карты штормганская флора и фауна разыгрываются с особой силой: здесь уже нельзя встретить обычную ель, так распространенную в Рухстане, и простой бурый медведь сюда не вхож. Вместо этого растет громадная, косматая ганская ель с шишками красного цвета, а медведи зовутся дремучими и обладают дополнительной парой нижних клыков и маленькими рожками. Так вот, прежде всего для штормганца лес – это не про священность и связь с предками. Это про опасность для жизни. Существует Орден охотников, который имеет право на убийство любого животного, которое угрожает жизни человеку – а таких животных в особом избытке обитает именно в лесах. Поэтому моей единственной надеждой было встретить на нашем пути припозднившегося охотника, который помог бы нам безопасно покинуть территорию хэстмирского леса.

Мы шли все дальше и дальше, следуя указаниям сидящего на плече Ксантия ворона. Из-за густой кроны елей он не смог бы лететь так, чтобы мы его видели, поэтому теперь он сделался практически беспомощным, но все же командиром нашей операции. Операция эта представлялась мне совершенно безумной затеей. Кроме того, Ксантий и Рафаэль успели поссориться, и дорога шла в нарастающем напряжении.

– Я бы не просил тебя вернуться в меч без веской причины, – продолжил тему спора Ксантий спустя непродолжительное молчание. – Если мне придется сразиться с сэром Валентиусом, то мне нужна будет твоя сила! Меч без тебя – пустышка.

– Ни за что! – между каждым словом Рафаэль сделал паузу так, чтобы их звук впечатался в морозный воздух.

Пар изо рта Ксантия окружил их тусклым, быстро теряющим очертания облаком. Я шел позади, ноги мои сильно вязли в сугробах, старые ботинки насквозь промокли, и все, о чем я мечтал – это о теплой комнате в трактире.

– Тогда меня убьют и мы отправимся обратно на Пантеон, где ты будешь заниматься бездельем и празднословием, – строго поставил точку Ксантий и замолчал.

Рафаэль распахнул было рот, чтобы возмутиться, как вдруг мы услышали в опасной близости от нас хруст веток – кто-то пробирался через бурелом.

– Медведь, – с ужасом прошептал я, прячась за спиной Ксантия.

– Слишком тихий хруст для медведя, – задумчиво протянул рыцарь и обнажил меч. – Но подходящий для человека, – тут он резко рассек мечом воздух и крикнул: – Сэр Валентиус, тебе не скрыться!

Рафаэль хрипло, лающе засмеялся, запрокинув голову.

– Как же ты смешон, Ксантий, Святые мне в свидетели...

– Пропади все пропадом! – раздался хорошо знакомый нам звучный бас. – Ты увязался за мной в самую чащу?

Мы с Рафаэлем молча переглянулись. Ворон, недолго думая, вспорхнул с плеча рыцаря и переместился мне на макушку. С недовольным видом, но я все же стерпел ощущение колючих когтей в волосах.

– Выйди на свет и сразимся! – продолжил свой благородный речитатив Ксантий.

– Иди лесом! – зло прокричал сэр Валентиус и, кажется, поспешил скрыться в темноте вековых елей.

Ксантий нетерпеливо махнул мне рукой и бросился вслед за рыцарем. Мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать его примеру.

– И так на протяжении трех столетий, – заворчал Рафаэль у меня над головой. – «Скорее, Рафаэль, давай бросимся в гущу сражения, а потом тебя ранят в плечо, а я отделаюсь легким испугом!» Вечно ищет себе неприятности, а потом что? А потом я виноват, что не уберег своего господина! Часть последователей Ксантия до сих пор утверждает, что якобы предательство его оруженосца стало решающим в поимке Ксантия врагами короля. Бред! Бред и еще раз бред! Я наоборот до последнего пытался его вытащить из лап этих гадов, пока сам не угодил к ним! И умер я за Ксантия, между прочим, а не за себя самого.

– Я тебе верю, Рафаэль, – смирился я с его словами. – Но тебе правда лучше стать мечом, если ты хочешь, чтобы Ксантий прожил чуть подольше.

– Его меч и без меня отлично справится с атакой ржавого рыцаря! – упрямо заявил ворон. – Я понимаю, если бы нам предстояло серьезное сражение. Тогда я бы, конечно, помог и вернулся в меч. Но сейчас...

Тем временем, Ксантий вывел нас на просторную для штормганских лесов полянку, хорошо освещенную светом дэано. Каким незнакомым и чужим для меня было это слово – Дэано, ночное небесное светило. В Ясильфе оно звалось иначе. Плавные горки сугробов окрасились в темно-синий, лес утонул в тенях, черное ночное небо грузно нависло над нашими фигурами. Сэр Валентиус оказался на противоположном конце поляны, под кроной высокой лиловой сосны. Ветер остановил свое движение, все замерло.

– Ты сам напротился, рыцарь! – прокричал Валентиус и резко вытащил меч из ножен.

Острые клинка поймало в себе блик дэано и сверкнуло. Это короткое мгновение отвлекло меня от того, что случилось потом. Вот одну секунду я смотрю на меч сэра Валентиуса, и в следующую вдруг замечаю десятки фигур, выступающих из тени деревьев.

Все они были рыцарями. Я смог разглядеть их, когда они вышли на свет: кто-то в разорванных латах, кто-то в лохмотьях, кто-то с сильными увечьями. Бродячие рыцари, с возрастающей паникой понял я. Разбойники!

***

Одно нам стало ясно наверняка: сэр Валентиус завел нас в ловушку. Разбойники ловко взяли нас в кольцо, окружили со всех сторон, и не осталось ни одной лазейки, чтобы нам удалось выбраться с поляны. Один из них, рослый мужчина с клокастой бородой, вышел на середину поляны, держа в одной руке факел с белым огнем – такой огонь использовали охотники, чтобы не привлекать внимание животных.

– Ты готов бросить вызов всем нам, рыцарь? – спросил он, и раздался дружный гогот. – Можешь попробовать!

– Молодец, Ксантий, – прошипел Рафаэль, – теперь я не помогу, даже если превращусь в пушку!

– Может быть, как раз пушка спасет ситуацию, – пробормотал я, пятясь назад.

– Я не стану сдаваться, – необычайно сурово произнес Ксантий, и на короткое мгновение наши взгляды столкнулись. Он понизил голос, обращаясь ко мне: – Беги, а я прикрою.

– Нет! – Рафаэль весь распушился от возмущения. – Тогда нас перебьют по одиночке! Всем стоять на месте!

Позади себя я услышал перешептывание между двумя рыцарями-разбойниками:

– Почему этот в платке разговаривает двумя голосами?

– Да чокнутый он, чего непонятного!

– Раз чокнутый, то убьем его сразу.

Тут я вскинул руки и незамедлительно приступил к реализации спонтанно возникшей в моей голове идеи – идеи, которая дала бы нам надежду на спасение.

– Я беглый ясильфийский монах Ласнэ Нокла! – закричал я, оголил метку на запястье и покрутился на месте, демонстрируя ее окружившим нам разбойникам. – За меня живого обещана награда в пятьдесят тысяч золотых! Если отведете меня Темной страже, то сможете безбедно провести следующие десять лет! Если убьете – развяжете конфликт между Ясильфой и Штурмганой и окончательно утвердитесь в статусе государственных преступников и изгоев! Сопровождающий меня рыцарь – влиятельный лорд из Ордена!

– Будь проклят Орден! – отозвался шумный рой голосов.

– Да! Будь проклят Орден!

На мгновение мне подумалось, что все – последней своей фразой я похоронил нас обоих. Но тут Ксантий, то ли вдохновившись моей пылкой речью, то ли сообразив в голове собственный хитроумный план, горделиво поднял голову и создал тишину звучным голосом:

– Я сам Ксантий Аполлоний!

Молчание, в которое погрузилась поляна, уже принялось было затягиваться, как вдруг один из рыцарей – тот, с клокастой бородой – шумно расхохотался. За ним последовал другой разбойник, и еще один, и еще, пока все они не согнулись пополам от смеха. Рафаэль нервно перебрал лапами у меня на макушке и тихо проскрежетал:

– Может быть, нас оставят в качестве шутов. Будем до конца наших жизней веселить шайку разбойников в хэстмирском лесу – это как раз то, о чем я мечтал на старости лет.

– Что в этом такого смешного? – с недоумением посмотрел на нас опечаленный Ксантий. – Я же сказал правду!

– Я тоже, – меня вдруг охватило раздражение, – но надо думать, что и кому ты говоришь! Одно дело назваться ясильфийским монахом, другое – Ксантием Аполлонием!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.